

УДК 80/81:003

ББК 81

С – 12

Сабадашова Марина Германовна, старший преподаватель кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета, т.: 8(861)2539421, sabadashova_m.g@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО «ПАМЯТЬ/ЗАБВЕНИЕ»

В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

(рецензирована)

Статья посвящена функционированию семантического единства лингвокультурных концептов «память» и «забвение», своеобразных «антиконцептов», в научном дискурсе. Семантическое единство соответствует семантическим функциям концепта и обладает набором его признаков. Оно является еще одним шагом в направлении «синтезациии» категориального аппарата лингвоконцептологии.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, семантическое единство, культурная память, историческая память, беспамятство, научный дискурс.

Sabadashova Marina Germanovna, senior lecturer of the Department of Technical and Scientific Translation of the Kuban State Technological University, tel.: 8 (861) 2539421, sabadashova_m.g @ mail.ru

SEMANTIC UNITY 'MEMORY/ OBLIVION' IN A SCIENTIFIC DISCOURSE

(Reviewed)

The article is devoted to the functioning of the semantic unity of linguo-cultural concepts of "memory" and "oblivion", a kind of 'anti-concepts, in a scientific discourse. The semantic unity corresponds to the semantic features of the concept and possesses its attributes. It is another step towards the "synthesis" of categorical system of linguo-conception.

Keywords: linguo-cultural concept, semantic unity, cultural memory, historical memory, forgetfulness, scientific discourse.

Определенный концепт в отдельно взятом языке есть инвариант изначальной идеи о вещи, которая в ходе истории была включена в систему языка, религиозных представлений, символов. Не является исключением в этом плане и концепт «память», как один из фундаментальных концептов национального языкового сознания. Со времен глубокой древности (воистину с незапамятных времен) феномен памяти привлекал внимание человечества. Среди субъектов внутреннего мира человека он является одним из первостепенных факторов формирования личности. Память связана с представлениями о вечности и времени, о жизни, смерти и бессмертии. Главное свойство памяти обнаруживается в её отношении к прошлому. Прошлое – это и есть память, а по сути, – жизнь. Обращаясь к своему прошлому, человек возвращает себя к прожитому, переживая (интеллектуально и эмоционально) это возвращение. Опыт такого переживания закрепился в языке, во фразеологии, в пословичном фонде русского языка.

Лингвокультурные концепты «память» и «забвение» являются одними из ключевых и универсальных в языке и культуре. Механизмы запоминания/забывания окультурены, входят в религиозные, социальные, бытовые ритуалы. Память включена в разные типы дискурса: философский, психоаналитический, социологический, биологический, компьютерный, исторический, литературный и др. Многочисленные метафорические словосочетания, образуемые памятью, служат антропоморфизации как природы, так и плодов технического прогресса.

Выяснено, что «память» и «забвение» являются лингвоконцептами высшего уровня, так как представляют собой ментальные образования, обладающие внутренней семантической расчлененностью, отмеченные этнокультурной спецификой и находящие фиксированное языковое выражение [1, с.19]. Как установлено, отличительными признаками лингвокультурных концептов высшего уровня являются: мировоззренческая направленность, аксиологичность (оценочность) и «переживаемость» (эмоциогенность), сложность (многомерность и иерархичность) признакового состава, теоретичность как системность организации этого состава: выводимость одних признаков из других [2, с. 76–83].

Рассматривая лингвокультурные концепты «память» и «забвение» в их единстве и противоположности попробуем доказать, что они являются по сути СЕ

«память/забвение», еще одним шагом в направлении «синтезации» категориального аппарата лингвоконцептологии.

Согласно С. Г. Воркачеву, лингвоконцептология за двадцать лет существования прошла различные этапы своего развития: от горизонтального (экстенсивного), включающего в свою предметную область все новые объекты, до вертикального (интенсивного), изучающего их «вглубь». Следствием чего явилось продление «жизненного цикла» лингвоконцептологии и изменение предмета ее изучения: от исследования содержательных свойств объекта она перешла к изучению форм его ментального представления и семантической организации. В последнее время происходит выделение укрупненных, гиперонимических единиц, в границах которых изучаются как сами концепты, так и их семантические противочлены – «антиконцепты». Так в числе объектов исследования появились «концептуальная область», «концептуальное поле», «концептуальная диада», «концептуальная оппозиция», «сверхконцепт», «гиперконцепт», «макроконцепт», «градиент – концепт», «бинарные концепты», «лингвокультурная идея» [3]. Как представляется, все эти новообразования являются, по сути, более узкими вариациями одного и того же понятия – **семантического единства**, которое, обладая всеми свойствами лингвокультурного концепта является очередной ступенью в системе категориального аппарата лингвокультурологии, очередной его единицей, и занимает более высокое положение, чем вышеназванные разновидности. Полагаем уместным провести параллели между лингвистическим понятием «семантическое единство» и философской категорией «единство противоположностей». Так, согласно определению: единство противоположностей не является монополией материального и духовного, все явления жизни формируются в парные категории, оказывающие влияние на развитие общества [4, с. 25].

Описывая СЕ «память/забвение», считаем целесообразным разделить понятие «память» на память₁ – биологическую (психофизиологическую) и память₂ – культурную, обладающую оценочным, аксиологическим свойством (что стоит помнить, а что нужно забыть). Именно культурная память и является предметом исследования. В него входят национальный, коллективный, общественный, социологический и исторический виды памяти. Представляется, что антонимом памяти₁ является слово «забывание», как дефиниция естественного

нейрофизиологического процесса, а антиподом памяти₂ – концепт «забвение», обладающий более возвышенным значением (ср. Лета – река забвения, а не забывания).

Как уже установлено, считается целесообразным начинать исследование концептов с областей их бытования, в которых эти концепты объективируются. Применяя эту методику для изучения СЕ памяти, отметим следующие типы сознания: обыденное и научное. Научные представления являются более универсальными, точными и детальными, что позволяет понять природу и сущность концепта в соответствующем типе дискурса. Термин «дискурс» понимается здесь как вербализованная речемыслительная деятельность; совокупность процесса этой деятельности и его результата [5, с. 113]. Нельзя не согласиться, что дискурс включает в себя кроме текста еще и «экстралингвистические» факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [6, с. 8].

В обыденном понимании память, как вид интеллектуальной деятельности и ментального состояния, локализуется в сознании (уме, голове), что нашло свое отображение в следующих глаголах, обычно связанных с процессом запоминания/забывания: *помнить, запоминать, представлять, полагать, осознавать, озарить, осенить, знать, верить, забывать, исчезать, изглаживаться и т.д.*

Рассматривая объективацию СЕ «памяти» в научном дискурсе, приходится признать, что пока еще невозможно дать полное физиологическое объяснение психологическим явлениям мышления, памяти и научения.

Полагают, что в основе мышления лежат сложные физиологические процессы, связанные с распространением нервных импульсов по определенным нейронным путям в мозгу. Воспоминания – это мысли, которые возникают спустя некоторое время (исчисляемое минутами, месяцами или годами) после первоначального появления этих мыслей и, по-видимому, вызываются возобновлением циркуляции импульсов в нейронной цепи.

В семидесятые годы XX столетия была выдвинута гипотеза о том, что память связана с синтезом РНК и что каждое запоминаемое событие кодируется в центральной нервной системе специфическими последовательностями нуклеотидов в РНК. Установлены интересные корреляции между обменом РНК и нервной

деятельностью, однако физиологическая и биохимическая основа памяти остается невыясненной [7, с. 518].

Концепты «память» и «забвение» тесно связаны с понятиями «справедливость», «совесть», «долг», «вина», «покаяние», «прощение». Память влияет на формирование мировоззрения. Над памятью (ее свойствами, характеристиками, ролью) в течение многих веков размышляют философы, писатели, поэты, психологи, социологи, историки. СЕ памяти согласовывается с «пространством», «временем», «прошлым», «жизнью», «веком», «вечностью», «смертью», «бессмертием», «следом», «небытием», «любовью», «разлукой», «детством», «старостью», «славой», «позором», «совестью», «мыслью», «умом», «рассудком», «душой», «сознанием» и др. Обсуждение феномена памяти в работах философов, психологов, культурологов часто сопровождается описанием языковых метафор памяти. Но анализ собственно языковой памяти, ее семантики и способов концептуализации, занимает довольно скромное место [8, с. 19]. В значениях слов и выражений, в языковых метафорах зафиксированы представления о том, что такое память и какие процессы с ней связаны. По выражению Дж. Лакоффа, так складываются «народные» теории памяти и забвения. Они принадлежат разным языкам и сообществам, но в них выделяют универсалии, которые можно назвать человеческими универсалиями памяти.

Весомый вклад в осмысление феномена памяти внесла философия. Еще учеными Древней Греции Платоном (427 – 347 гг. до н.э.) и Аристотелем (384 – 322 гг. до н.э.) были сформированы основополагающие представления о памяти, воспоминании, забывании и забвении. Память у древних греков обозначалась словами: мнэме, анамнесис и мнемосюне. Мнэме связано с чувственным восприятием, из которого, по Аристотелю, возникает способность к памяти. Анамнесис – это воспоминание, в котором хранится воспринятая информация, дополняющаяся личным опытом. Платон понимал анамнесис как основное значение памяти и связывал его с душой: «Когда душа, утратив память об ощущении или о знании, снова вызовет ее в самой себе, то все это называется воспоминанием» [9, с. 41]. В трактате «О памяти и припоминании» Аристотель рассматривал память как одно из проявлений душевной деятельности у животных [10, с. 161 –168].

С конца XIX в. начинается экспериментальное исследование памяти в психологии. Настоящий прорыв в изучении памяти наступает с развитием в

психологии когнитивного подхода. Когнитивистика поставила в центр внимания проблему знания и информационные процессы и объединила разные науки – философию и психологию, лингвистику и культурологию, нейронауки и изучение искусственного интеллекта. Это междисциплинарное поле оказалось исключительно плодотворным для изучения памяти. Концептуальное поле памяти представлено в разных научных дисциплинах. В когнитивной психологии находим следующее определение памяти: «Память – это способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой (внешней или внутренней), сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении» [11, с. 279].

Следуя определению, “The term memory implies the capacity to encode, store, & retrieve information”, память является информационным устройством, использующим знаки. Полагают, что в памяти представлены семиотические механизмы, имеется означаемое (референт) – событие, вещь, человек и т.д., и есть означающее, которое «замещает» референта в памяти. «Знаки памяти» – это иконические знаки, в которых между означаемым и означающим представлено отношение сходства. Таково воспоминание – сходство. Знаки – индексальные, у которых связь между означающим и означаемым строится по принципу смежности. Это заметно в следах памяти, в которых часть (испытанное ощущение, эмоция, предметная деталь) предстает в сознании как знак целого. И память имеет дело с символическими знаками, когда отношение между означающим и означаемым основано на конвенции, – например, зарубки или узелки на память. Знаковость является тем свойством, которое объединяет память и язык. В отличие от памяти, язык, представляющий собой наиболее разработанную знаковую систему, предназначенную для операции сознанием, состоит в основном из символических знаков, но в нем также представлен и принцип иконичности и принцип индексальности [12, с.12].

В настоящее время понятие «память» прочно вошло в научный аппарат лингвистической науки, а «идея существования разных видов языковой «памяти» в последние годы становится все более активной» [13, с. 25], что, вероятно, расширяет область интерпретации этого концепта. В современный лексикон лингвиста уже вошли такие словосочетания как «этимологическая память слова» [14, с. 171–172], «культурная память» [15, с. 1998], «скрытая память» [13, с. 25]. «Память слова» часто проявляется на уровне этимологии, так как смысловые компоненты, выделяемые при

историко-этимологическом анализе, часто совпадают со словами, включенными в ассоциативно – коннотативный ряд слова – концепта, либо служат дополнительной мотивацией для такого включения [8, с. 30].

В качестве ключевого понятия лингвокультурологии, изучение концепта «память» опирается на исследования Е. С. Кубряковой [1991], в которых представлен фрагмент концептуального анализа слова «память». Сам человеческий язык является хранилищем знаний о мире, которые человек удерживает в памяти и которые формируют его картину мира. По ее мнению, «языковые способности человека связаны с аппаратом его памяти», она называет его внутренний лексикон системой хранения языковых единиц уже в готовом виде, что гарантирует оперативное участие этих единиц в осуществлении речевой деятельности – процесса, который постоянно черпает необходимые для этого данные из человеческой памяти. Лингвокогнитолог обращает внимание на очевидную связь между памятью и языком и задается вопросом, что же сохраняет само слово «память» в своей концептуальной структуре, какие идеи оно собирает в единый гештальт, что непосредственно сосредоточено в нем самом. Ориентируясь на определение С. И. Ожегова, где слово «память» в обыденной лексике означает «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а так же самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта» [16, с. 481], она строит концептуальную (когнитивную) карту слова, причем организует её вокруг таких концептов как «способность», «сознание», «запас», коррелируя «память» с глаголом «помнить». Е. С. Кубрякова проводит параллели с идеями А. Вежбицкой о перцептивной лексике и её понимании через триаду «способность – орган – функции», раскрывая способность помнить через локализацию этой способности в голове (мозгу), сознании человека, а так же посредством таких функций памяти, как распознавание, узнавание, припоминание, сохранение в ней опыта, знаний, извлечение их из памяти и т. д. [17, с. 370–373].

Отмечается, что обороты типа: *память подвела/отказала*, свидетельствуют о том, что память понимается как некий орган. Выражения: *быть без памяти, привести в память* указывают на синонимию памяти и сознания. Сосредоточием воспоминаний могут быть также и сердце, и душа, и слово. Утверждается, что концепт места (LOC) является главным в обыденной речи: память – вместилище, хранилище, кладовая. Конструкции: *память хорошо/плохо работает* проявляют её инструментальную

функцию. Конструкции: *память о героях войны, память о событиях 1941 года, память о прошлом* могут быть эквивалентом частицы памяти, её единицы. В этом случае слово «память» становится синонимом слова «воспоминание». Также в обыденном языке память представляется следом, знаком памяти. Мотивы перехода от понятия памяти к представлению о её единицах очевидны и с лингвистической точки зрения: валентности глагола помнить о ком-либо / чем-либо «наследуются» словом «память». Отсюда виды памяти могут быть весьма разнообразными, так как помнить можно о разных событиях, людях, книгах, впечатлениях, чувствах, которые были вызваны тем или иным событием. Различают память кратковременную и долговременную, зрительную, слуховую, тактильную, осязательную и вербальную. Причем, вербальная память сама включает и слуховые образы знаков, и зрительные образы и их написания, и образы содержания знаков – концепты – идеальные единицы сознания, составляющие часть общей концептуальной модели мира [17, с. 370–373].

Философские основы данного концепта рассматриваются в работах М. А. Дмитриевской [18, с. 78–85] и В. В. Туровского [19, с. 91–95]. М. А. Дмитриевская прослеживает связь памяти с восприятием, сознанием (самосознанием) и мышлением на основе анализа значения и употребления слов, относящихся к полю памяти, анализируя воззрения философов, сделавших объектом описания память. Предметом анализа являются два вида памяти: образная (память-воображение) и логическая (память - рассказ). Она исследует общее между образной памятью и восприятием – «онтологическое согласование» человека и мира. Образная память связана с событийной стороной предшествующей жизни индивида. Полная утрата контакта с миром внешним (прекращение восприятия) и миром внутренним описывается как потеря памяти или сознания: *потерять память/сознание, быть без памяти/без сознания*. Обретение утраченного контакта фиксируется выражениями: *прийти в память/сознание, быть в памяти/сознании*. Память определяет тождество личности и человека, единство его «я». Память сопровождается верой, связанна с мышлением. Процесс воспоминания есть процесс мыслительный, глаголы «думать» и «вспоминать» выступают как близкие по смыслу. Эта связь прослеживается и в этимологии. В русском языке слова «память» и «помнить» родственны словам «мнить» и «мнение». В «Словаре Академии Российской» 1847 года фиксируется как устаревшее слово *помнѣть* в значении «подумать, представить себе в мыслях». Слово

«память» родственно также др.-лит. *mintis* «мысль, суждение»; др.-инд. *Matis* «мысль, намерение, мнение»; авест. *maiti* «мысль, мнение»; лат. *mens* «ум, размышление, разум» [4, с. 19]. Сферы действия памяти следующие: актуальная деятельность сознания и самосознания, разум, рассудок. Память формирует личность и определяет ее тождество, делая человека самим собой [18, с. 78–85].

В. В. Туровский исследует лингвистическое поведение основных глаголов, относящихся к функционированию памяти, и на этой основе выявляет свойства наивной модели памяти. Глаголы *забыть*, *вспомнить*, *помнить*, анализируются по следующим категориям:

- заполнение валентности содержания;
- семантический тип предиката;
- контролируемость.

Разрабатываются принципы толкования глаголов памяти: глаголам *помнить* – *забыть* – *вспомнить* – *вспоминать* соответствуют глаголы *иметь* – *потерять* – *найти* – *находить* – *искать*. Ученый отмечает неудовлетворительность альтернативного описания глаголов памяти посредством слова **знать**, предложенного А. Вежбицкой. Он аргументирует это тем, что, во-первых, *помнить*, *забыть* и т. д. можно образы, которые **знать** нельзя; во-вторых, он полемизирует с А. Вежбицкой, интерпретирующей глагол **забыть** как постепенный и процессуальный, утверждая, что русский глагол является мгновенным предикатом.

В заключение, В. В. Туровский описывает некоторые свойства наивной модели памяти: память – некое пространство, в котором находятся всяческие объекты – «информация». Отмечается, что владелец памяти может потерять информацию в пространстве памяти, но доступ к информации может быть восстановлен, причем несколькими способами:

- владелец памяти может целенаправленно искать информацию и, возможно, найти ее, т.е. *вспоминать* и *вспомнить* нечто;
- доступ к информации может быть обретен благодаря какому-либо внешнему воздействию, что обозначается глаголом *напомнить*;

- можно просто набрести на какую-то информацию: вспомнилось.

Пространство памяти разграничено на некоторые области, которые должны быть выявлены для более полного составления наивной модели памяти [19, с. 91–95].

Таким образом, исследованный материал подтверждает тот факт, что в лингвистике временной отрезок конца XX – начала XXI вв. отмечен всплеском интереса к памяти и ее толкованию. Обращение к теме памяти в лингвистических исследованиях, как представляется, обусловлено тем, что данная проблематика успешно утверждалась в этот период в исторических сочинениях. Появляются и успешно функционируют в лингвистическом дискурсе следующие терминологизированные понятия, как «историческая память», «национальная память», «социальная память», «культурная память» и т.д. Как утверждает Я. Ассман, оперируя понятием «культурная память», историки культуры акцентируют внимание на том, что благодаря памяти жизнь человека приобретает двухмерность и двувременность, сохраняющиеся на всех стадиях культурной революции [20, с. 89–90]. Память рассматривается как культурологический аспект, как категория культуры, отвечающая за порождение и поддержание несовременности. Конструирование несовременности и возможности жить сразу в двух временных пластах они относят к универсальным функциям культурной памяти.

Как уже установлено, социальные стратегии проявляют роль памяти как ключевого социокультурного конструкта. Включение в память/исключение из памяти (личной, коллективной, общественной) символически представляют акты:

- награды (славой, социальным бессмертием, прощением);
- наказания («несмываемым» позором, преданием социальной смерти, отказом простить как формой возмездия);
- предостережения (от того, что было и больше никогда не должно повториться).

Так, действия, ситуации, события и т. п., которые личность или социум как бы включает в память (чтобы помнить) и исключает из памяти (чтобы забыть), оцениваются либо позитивно, либо негативно. Например, включение в память как увековечивание имеет ценностный позитивный смысл, исключение из памяти как предание социальной смерти — ценностный негативный смысл, и наоборот, включение в память как акт непощения и форма возмездия имеет ценностный

негативный смысл, а исключение из памяти как прощение – ценностный позитивный смысл. Механизмы включения в память/исключения из памяти, таким образом, амбивалентны. Аксиологически они связаны с категориями этики [8, с. 257].

С этой точки зрения интересен концепт «забвение», так как практике увековечивания противостоит практика забвения, вычеркивания из памяти, символизирующая лишение кого-либо бессмертия, вечности, славы. «Акт «вычеркивания» свойственен именно памяти, поскольку память концептуализируется как текст. Ср.: выбросить что-либо, выкинуть что-либо ...из памяти, из головы, из сердца (допустимо), но нельзя вычеркнуть что-либо из головы, из сердца» [8, с. 261].

Тема осмысления исторического прошлого в России в последние десятилетия привлекает особенное внимание, как широкой общественности, так и академической среды. Толчком к этому послужили: распад СССР, смена идеологического режима, возникновение условий и потребности переосмысления непростого с моральной точки зрения советского прошлого, формирование новых политических элит, продвигающих свои концепции настоящего и будущего.

Важность осознания своих корней, принадлежности к своему роду, народу, Родине является одним из главных предназначений человека, качеств человеческой личности. Память является фундаментом истории: «Под историей – память и забвение. Над памятью и забвением – жизнь» [21, с. 365].

«Память истории священна» – такова была жизненная позиция Д. С. Лихачева. Она отразила возрастающий интерес в общественном сознании к различным формам исторической памяти, отношение к традициям и реальным событиям прошлого, истории искусства и науки, политики и религии, памятникам и биографиям, сохраненным письмам, дневникам, фотографиям, записным книжкам и любимым вещам. Такие знаки памяти являются культурными символами, отразившими в самосознании и ментальности народа духовные ценности и коллективные представления эпохи.

Историческая память – своеобразный пантеон национальной идентичности. Она содержит знание об исторических битвах, судьбоносных событиях, жизни и творческой деятельности выдающихся ученых и политиков, гениев инженерной мысли и мастеров искусства. Память как «бестелесная духовная субстанция»

становится отчетливой силой, особенно во времена предельных испытаний, выпадающих на долю людей. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе добрую память. Исчезнувшее, казалось, навсегда время не проходит бесследно. У прошлого нет границ, его отменить нельзя, забвение прошлого – историческое беспамятство является несчастьем для последующих поколений. Нельзя жить на земле, не помня, чем здесь жили прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждения предков. Нельзя быть Иванами, не помнящими родства. Как же нам отменить то, что было в истории нашего народа?

Процесс исторической памяти сложен и многогранен: он отражает неоднозначность человеческих отношений, изменение духовных ценностей и личных позиций, влияние субъективных мнений. Отсюда «белые пятна» и «черные дыры» в мировой и отечественной истории.

Приведенный обзор, как представляется, делает очевидным функционирование лингвокультурных концептов «память» и «забвение» в виде семантического единства в научном дискурсе. Так, невозможно рассматривать существование памяти без забвения, а забвения без памяти.

Литература:

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, №2. С. 13 – 22.
2. Воркачев С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. 2005. №4. С.76 – 83.
3. Воркачев С.Г. «Куда ж нам плыть?» – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда / Воронежский госуниверситет. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. Вып. 8. С. 5–27.
4. Экономическая теория. СПб.: СПбГУЭФ: Питер, 2008. 544 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

6. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
7. Вилли К., Детье В. Биология (Биологические процессы и законы). М.: Мир, 1975. 822 с.
8. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
9. Платон. Сочинения. М.: Мысль, 1971. Т.1. С. 41.
10. Аристотель. О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161-168.
11. Когнитивная психология. М., 2002. 297 с.
12. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семантика. Новосибирск, 2006. Вып. 10. С.10-24.
13. Николаева Т.М. «Скрытая память языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. №4. С. 25-41.
14. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 171 – 172.
15. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. №3. С. 43-73.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 907 с.
17. Кубрякова Е.С. «Язык и знание». М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 370-373.
18. Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 78 – 85.
19. Туровский В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 91-95.
20. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 89-90.
21. Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. 365 с.